

О БЕДНОСТИ В РОССИИ И В МИРЕ

Клисторин Владимир Ильич,

доктор экономических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН,

Россия, 620090, Новосибирск, проспект академика Лаврентьева, 17;

профессор кафедры экономической теории

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

ORCID: 0000-0002-4011-5932

klistorin@ieic.nsc.ru

Аннотация

Рассмотрено понятие бедности в социально-экономическом, историческом и институциональном аспектах. Обсуждаются индивидуальные и общественные причины бедности и основные факторы, определяющие уровень бедности. Показано, что бедность является общественной проблемой, а ее уровень – индикатором качества институтов и государственной политики. Оценка уровня бедности является не только экономико-статистической, но и политической проблемой. В частности, методика определения уровня бедности, основанная на оценке прожиточного уровня, обладает значительным потенциалом для манипуляций. На основании исследований ряда авторов показано, что важнейшим фактором имущественного расслоения является инфляция, и высказана гипотеза о том, что нынешняя дифференциация доходов в России также объясняется во многом инфляцией в постсоветский период и крайне низкими темпами экономического роста. Обсуждается специфика бедности в России и делается вывод о том, что она слабо зависит от уровня образования и квалификации работников и в большей степени, чем в других странах, от места работы, отрасли, региона, размера населенных пунктов и т. п. Показано, что политика в отношении доходов отдельных категорий населения может приводить к росту неравенства как в региональном плане, так и между различными социальными группами. Кратко рассмотрены методы и инструменты преодоления бедности и показана ограниченность возможностей государственной политики, с одной стороны, и возможные негативные последствия политики выравнивания доходов – с другой. Одновременно автор солидарен с позицией, что более равномерное распределение доходов делает общество не только справедливее, но и эффективнее за счет более высокой региональной, социальной и профессиональной мобильности и большей эффективности работы рыночных институтов. В заключение обсуждается стратегия модернизации россий-

ской экономики вообще и достижения национальной цели по снижению уровня бедности вдвое.

Ключевые слова: бедность, прожиточный уровень, политика доходов, экономический рост, инфляция, субъективное ощущение, ожидания, политика правительства, национальные проекты.

Библиографическое описание для цитирования:

Клисторин В.П. О бедности в России и в мире // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 2. – С. 264–280. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280.

Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия.

А. Смит

Постановка проблемы

Сам факт имущественного расслоения и дифференциации доходов характерен для всех стран. Речь может идти только о том, чтобы, во-первых, измерить уровень неравенства и, во-вторых, по возможности снизить разрывы в доходах и уровне жизни или максимально сократить число людей, живущих за чертой бедности. Но успехи большинства стран по достижению этих благородных целей пока незначительны. Более того, в современном мире дифференциация доходов как внутри отдельных стран, регионов и социальных групп, так и между ними растет, и, похоже, этот рост ускоряется. Причины этих процессов и соотношение факторов, определяющих динамику доходов, условий и уровня жизни в разных странах, разнообразны. Проблемой является сама оценка уровня бедности и построение системы количественных измерителей.

Большой научный и практический интерес представляют социально-экономические последствия массовой бедности. В течение большей части истории человечества бедность не считалась общественной проблемой, и только в XIX в. появились первые научные концепции бедности. Некоторые страны добились значительных успехов в преодолении массовой бедности, и возникает ряд вопросов о возможности копирования их позитивного опыта, оценки эффективности той или иной политики и инструментов. Главное, требуется определить, насколько устойчивы те или иные позитивные изменения и какие проблемы и риски могут нести действия правительства по борьбе с бедностью. Отдельной проблемой является оценка уровня бедности в России, ее динамики, особенностей структуры, факторов и условий, определяющих ее специфику, а также влияния на нее политики правительства вообще и в области доходов в частности.

Проблема уровня и распределения доходов между классами и социальными группами, проблема богатства и бедности населения отдельных стран всегда находилась в центре внимания экономистов с момента зарождения этой науки. Представить сколько-нибудь полный обзор литературы, в том числе и новейшей, по этой проблеме не представляется возможным, поэтому в данной статье пришлось ограничиться минимальным числом источников, прежде всего касающихся различных аспектов проблемы бедности в России.

Бедность: причины, определение и измерение

Бедность – сложное и многоплановое явление, ее причины разнообразны. Согласно словарям, это характеристика экономического положения индивида или социальной группы, не позволяющего удовлетворить минимальный круг потребностей. Это определение малооперационально, поскольку «минимальный круг потребностей» определить крайне сложно. Бедность – это также социально-экономическое явление и культурный феномен, поскольку уровень бедности зависит от историко-психологических норм и характеристик общества. Следует различать субъективное ощущение бедности и его признание со стороны общества. Специалисты различают монетарную и немонетарную бедность [3].

Причины бедности также разнообразны. На индивидуальном уровне любой человек может оказаться в трудной материальной ситуации. Люди различаются по способностям, опыту, уровню образования и темпераменту – всё это может сказаться на успешности карьеры и уровне доходов. Кроме того, молодые семьи, вынужденные обзаводиться собственным хозяйством, включая жилье и товары длительного пользования, даже при равенстве номинальных доходов оказываются много беднее тех семей, у которых всё это уже есть. В том же направлении действует и наличие детей в семье [2]. Природные и техногенные катастрофы могут сделать бедными множество людей. Часто люди совершают ошибки, доверяясь жуликам, авантюристам или политикам, которые обещают быстрое и, главное, не требующее собственных усилий решение жизненных проблем. Причиной бедности может стать болезнь, потеря кормильца, одиночество или, наоборот, наличие большого числа иждивенцев и обязательства перед общиной или родственниками. Потребление алкоголя и наркотиков также может усугубить бедность и обычно соседствует с нею.

Но есть причины бедности, мало зависящие от индивидуальных усилий или неблагоприятного стечения обстоятельств. Общественные условия и качество институтов, равно как и политика правительств, могут приводить к массовой бедности [1, 7]. Кроме того, на уровень достатка семейных хозяйств влияет демографическая ситуация: высокая доля молодежи и

быстрый рост численности населения оказывает давление на рынках труда, что при прочих равных условиях снижает зарплату и другие доходы. Наконец, экономическая политика правительств может стать причиной стагнации производства или высокой инфляции.

Кнут Виксель, который отстаивал активную роль государства в достижении более равномерного распределения богатства и доходов и в осуществлении мер социальной защиты, в качестве важнейшей цели экономической политики выдвигал стабильность покупательной способности денег. Он показал, что в этих условиях быстрый экономический рост ведет к увеличению ставок реальной заработной платы и платежей владельцам других факторов производства («эффект Викселя») [10, с. 361, 362]. Отсутствие экономического роста, очевидно, приводит к обратному эффекту. Л. фон Мизес, несмотря на свой ультралиберализм, считал, что неравномерное распределение доходов и богатства в высшей степени нежелательно [10, с. 207], и как человек, переживший гиперинфляцию, был убежден, что более надежного способа максимизировать эту неравномерность не существует.

Сам факт того, что рост цен по-разному влияет на реальные доходы различных групп населения, известен давно. Еще в 1924 г. В.В. Новожилов показал, что уровень инфляционного налога зависит от индивидуальной скорости оборота денег, что приводит к тому, что для более бедной части населения потери выше. Кроме того, от инфляции больше страдает сельское население, нежели городское [6]. Эти тезисы были подтверждены в постсоветский период развития России, когда экономический спад и гиперинфляция девяностых привели к массовой бедности, а экономический подъем и снижение инфляции в результате более ответственной бюджетной политики и ряда других факторов в нулевые годы позволили снизить уровень бедности в разы.

Широко распространено представление о том, что причиной бедности является концентрация богатства в руках немногих. В значительной степени это так, но имущественное расслоение и поляризация доходов являются не причиной бедности, а, скорее, ее следствием и результатом работы институтов, включая государственные. Масштабная экспроприация богатства и обращение его в пользу неимущих классов может повысить уровень их благосостояния, но, как показывает опыт многих стран, в незначительной степени и ненадолго.

Экономисты и социологи вроде бы научились измерять уровень бедности. Всемирный банк и специализированные организации ООН определяют уровень бедности по размерам доходов: менее 2 долл. США в день на человека с учетом паритета покупательной способности. Национальные критерии бедности обычно исходят из расчета минимальной потре-

бительской корзины или, что то же самое, минимального набора товаров и услуг. Но есть и альтернативный подход. Так, в большинстве европейских стран бедными считаются люди, чей доход составляет менее 50 % (в некоторых – менее 60 %) от медианного дохода. Наконец, есть субъективное ощущение бедности, проистекающее из некоего индивидуального стандарта «нормальной» жизни.

Все эти критерии не бесспорны. Попытки дать количественные оценки «научно обоснованному» минимальному набору потребительских благ, будь то на основе количества калорий, жиров, белков и углеводов в продуктах питания, минимального набора непродовольственных товаров и т. п., пока успехом не увенчались, поскольку весьма спорным остается сам набор товаров и услуг, входящих в потребительскую корзину. К тому же всегда возникает вопрос о корректности измерения цен товаров и услуг, входящих в набор. Наконец, слишком велики возможности манипуляций всеми этими показателями. Например, большую часть своей истории человечество прожило без туалетной бумаги и моющих средств, но сейчас в большинстве стран они входят в минимальный набор.

Критерий бедности на основе определенного набора продуктов более жесткий не только в силу большей манипулятивности, но и потому, что он не отражает общего уровня развития экономики и общества в целом. Но и определение уровня бедности по отношению к медианному уровню доходов также вызывает споры, поскольку в богатых странах это может быть весьма значительная величина, а в бедных – не дотягивать до уровня, определяемого на основе потребительской корзины, т. е. в некоторых развивающихся странах представители среднего класса могут завидовать положению бедняков в более благополучных частях света. Жесткость критерия минимального дохода порождает еще одну проблему: даже небольшое превышение доходов над прожиточным минимумом формально исключает семью из числа бедных, ничего не меняя по существу в ее социально-экономическом положении, но лишая его помощи и поддержки со стороны государства. Этот эффект тем значительнее, чем ниже величина прожиточного минимума и больше численность пограничных слоев.

Указанные обстоятельства затрудняют межстрановые сравнения по уровню бедности и делают их в высшей степени условными. Так, по официальным данным, Россия по доле бедных в численности населения (10...20 %) входит в одну группу с Канадой, США и Германией, с одной стороны, и с Индонезией, Ираном и Марокко – с другой. При этом уровень бедности в Китае, согласно данным статистики, составляет менее 10 %. Это как-то слабо согласуется с нашими представлениями об этих странах. Кроме того, размеры денежных доходов и даже располагаемых денежных доходов – это важные, но не единственные показатели бедности.

Почему бедность – это проблема?

Бедность воспринимается как общественное зло, и правительства обычно гордятся снижением уровня бедности или декларируют цели по ее снижению. Обещания повысить доходы и улучшить условия жизни обычно безотказно привлекают избирателей, особенно если они не интересуются источниками ресурсов для всех этих улучшений. Широко распространено мнение, что расширение спектра услуг, финансируемых государством, повышение их доступности и вообще построение государства всеобщего благоденствия позволит повысить качество жизни большинства членов общества. Но, как показывает практика, это не обязательно. Поэтому бедность – это *политическая* проблема, поскольку повсеместно является предметом политических дискуссий.

Бедность, несомненно, является *социальной* проблемой, поскольку существует жесткая корреляция между уровнями бедности и преступности, распространением так называемых социальных болезней, агрессии и стрессов. Имущественное расслоение и дифференциация доходов оборачиваются снижением качества образования, профессиональной и социальной мобильности, влияет на здоровье и продолжительность жизни в отдельных социальных группах, снижает мотивацию к повышению качества рабочей силы. Как правило, в бедных семьях своя мораль и свои ценности. Бедным людям трудно адаптироваться к современной динамичной среде и находить место в других социальных группах, из-за чего снижается их социальная и профессиональная мобильность.

Бедность – это и *экономическая* проблема хотя бы потому, что бедные – плохие потребители и, как правило, плохие работники. Среди них трудно найти квалифицированных и мотивированных рабочих, поскольку обычно последние не относятся к бедным. Высокий уровень бедности означает узость внутреннего рынка и снижение качества продукции. Бедняки заняты выживанием, горизонт их планирования крайне узок, что сказывается на структуре их семейных бюджетов, а также использовании ими финансовых инструментов.

Бедность ведет и к углублению *экологических* проблем, поскольку бедняки не могут себе позволить современные технологии утилизации мусора и отходов, часто совмещают место работы, досуга и сна, живут скученно и мало внимания обращают на внешний вид и благоустройство жилища. И несомненно, бедность – это *культурная* проблема. Сам вид бедняков и их среды обитания может оскорблять эстетические чувства более успешных сограждан; в результате происходит сегрегация внутригородского пространства и возникают отдельные территориальные сегменты богатства и бедности, населенные фактически разными народами.

Следует различать бедность временную и застойную. Попав в тяжелую ситуацию, люди сначала напрягают все силы для того, чтобы поддержать прежний уровень потребления, пытаются работать больше, ищут дополнительные источники дохода, рационалируют потребление и т. д. Но в случае долговременной застойной бедности они привыкают к своему положению и уже не пытаются как-то улучшить свое экономическое положение – «опускают руки». Особенно опасна ситуация, когда формируются механизмы самовоспроизводства бедности. Например, в бедных странах, где отсутствует пенсионная система и широко используется труд детей, последние фактически являются пенсионным фондом и источником доходов семьи. Поэтому чем больше детей в семье, тем выше достаток. Но без образования и квалификации найти работу для взрослого трудно, и единственный выход – завести собственных детей.

Российская специфика

В нашей стране, согласно Росстату, около 20 млн человек (почти 15 % населения) проживают на доходы ниже официального прожиточного уровня, т. е. за чертой бедности. За последние 5 лет их число возросло почти на 5 млн. Правда, по мнению многих исследователей, официальная черта бедности фактически является границей нищеты. По оценкам независимых исследователей, уровень бедности, например, в регионах юга Сибири составляет более 40 %. Хотя есть оптимисты вроде С.Г. Кордонского, которые считают, что с учетом неформальной занятости, «гаражной» экономики и вообще теневого сектора фактическая бедность много ниже [4]. В любом случае бедность в России является серьезной проблемой, и ее уровень соответствует скорее развивающимся странам, нежели тем, которые провозгласили себя социальными государствами.

Бедность в России имеет свою специфику. Прежде всего, как отмечалось выше, это статистическая проблема. Номинальная заработная плата, согласно официальным данным, растет и достигла в 2018 г. 43,4 тыс. руб., увеличившись в сравнении с предыдущим годом почти на 11 %. При этом располагаемые денежные доходы падали 5 лет подряд. Но в статистике в 2018 г. произошли странные изменения, поэтому воспользуемся данными за 2017 г. В том году среднедушевой доход составлял 31,5 тыс. руб. в месяц, медианный доход 23,7 тыс. руб., модалый доход 13,1 тыс. руб., а прожиточный уровень 10,9 тыс. руб. При этом прожиточный уровень для пенсионеров был установлен в 8,3 тыс. руб., а для детей – 9,9 тыс. руб. Социологические опросы в 2017 г. фиксировали определение нищеты в оценках респондентов в 10 тыс. руб. в месяц, а уровень достатка (когда люди не экономят на еде и одежде и могут позволить покупку товаров длительного пользования, путешествия и полноценный отдых) – в 70 тыс. руб. на человека в месяц.

Другой особенностью России является очень высокая дифференциация цен и тарифов и, соответственно, широкий разброс количественных оценок прожиточного уровня, который устанавливается региональными властями. Отметим, что кроме региональной дифференциации цен на величину этого показателя может повлиять и состояние бюджета субъекта Федерации. В результате прожиточный уровень даже в соседних регионах может существенно различаться, а в целом по стране различия достигают 2,5 раза (табл. 1).

Таблица 1

Прожиточный минимум в областях, республиках и краях России на март 2019 года (руб./мес. на человека)

Прожиточный минимум	В среднем	Минимальный (Республика Мордовия)	Максимальный (Ненецкий АО)	Новосибирская область
На душу населения	10 451	8503	20 460	10 552
Для трудоспособных	11 310	9132	21 527	11 217
Для пенсионеров	8651	6975	16 690	8524
Для детей	10 302	8924	21 427	10 800

Источник: [9].

Другой особенностью отечественной статистики бедности является явная манипуляция показателями прожиточного уровня, по крайней мере в некоторых субъектах РФ. Так, в Новосибирской области величина прожиточного уровня в 2017–2019 гг. фактически не изменилась (табл. 2), хотя по данным Областного управления статистики индекс потребительских цен (ИПЦ) составил 1,056, т. е. за два года цены выросли на 5,6 % (по результатам опросов – более чем на 10 %). Но это никак не повлияло на официальный показатель прожиточного уровня, и таким образом удалось «не допустить» роста бедности и сэкономить бюджетные ресурсы, выделяемые на социальную поддержку. Зато становится понятным, каким образом Росстат отчитался о некотором снижении уровня бедности в России в 2018 г.

Еще одним важным отличием России от многих других стран является слабая корреляция между уровнем образования и особенно квалификации и уровнем доходов. Обычно такая связь очень тесная, поскольку в современной экономике высок спрос на квалифицированную рабочую силу, особенно в инновационных отраслях производства. Но в России инновационный сектор весьма узок, а многие производ-

ства, особенно в обрабатывающей промышленности, не выдерживают конкуренции с зарубежной продукцией. Сокращение государственного заказа на продукцию оборонно-промышленного комплекса в 1990-е и 2000-е гг. привело к деградации ряда предприятий и оттоку квалифицированных кадров.

Таблица 2

**Прожиточный минимум в Новосибирской области в 2017–2019 гг.
(руб./мес. на человека)**

Прожиточный минимум	4-й квартал 2018 г.	1-й квартал 2017 г.
На душу населения	10 552	10 583
Для трудоспособных	11 217	11 233
Для пенсионеров	8534	8503
Для детей	10 800	10 956

Источник: [8].

В конце прошлого века Россия пережила драматический спад производства и гиперинфляцию. Обычно экономисты объясняют высокий уровень имущественного расслоения и бедности в стране последствиями приватизации, проблемами трансформации структуры экономики в период перехода к рынку, дефектами социальной политики и другими ошибками первых постсоветских правительств. Но вклад инфляционного фактора в формирование «новой бедности» явно недооценен.

Видимо, не совсем неправы те, кто называет чрезвычайно высокий уровень дифференциации имущества и доходов причиной высокого уровня бедности в современной России. Действительно, исследование Т. Пикетти и других наглядно показывает, что дифференциация доходов в России существенно выше, чем в ведущих европейских странах, сопоставима с развивающимися странами и даже превышает неравенство в Российской империи [12]. Хотя в целом за постсоветский период средний уровень потребления в стране заметно вырос, его изменение было очень неравномерным по отдельным группам населения (табл. 3). При всей условности полученных этими авторами количественных оценок, вызванной методическими трудностями и качеством исходных данных, их главные выводы, видимо, соответствуют действительности.

Наконец, бюджетные проблемы 1990-х и бюджетная политика на протяжении всего постсоветского периода привели к недостаточному финансированию образования, науки и здравоохранения, из-за чего уровень фактической заработной платы в этих отраслях часто оказывался ниже,

чем в среднем по народному хозяйству, и особенно в крупных государственных и частных корпорациях. Доля расходов на науку даже в благополучные нулевые не превышала 1,1 % ВВП, что ниже, чем даже в некоторых развивающихся странах. С другой стороны, это был период экстенсивного развития высшего образования. На фоне общего сокращения числа учащихся за первое десятилетие XXI в. с 29,2 до 23,6 млн чел. число студентов выросло с 5,9 до 6,1 млн чел. Это было связано с убеждением, что высшее образование является гарантией работы и достойных заработков, и с внедрением более мягких критериев отбора абитуриентов. Но рост числа выпускников вузов, работающих не по специальности, и удлинение сроков поиска работы говорит о том, что высшее образование уже не является гарантией получения стабильных доходов.

Таблица 3

Рост доходов в России в 1989–2016 гг.

Группа по уровню доходов	Средний темп прироста реальных доходов, %	Прирост реальных доходов за весь период, %
Всё население	+ 1,3	+ 41
Нижние 50 %	– 0,8	0150 20
Средние 40 %	+ 0,5	+ 20
Верхние 10 %	+ 3,8	+ 171
В том числе с самыми высокими доходами		
1 %	+ 6,4	+ 429
0,1 %	+ 9,5	+ 1054
0,01 %	+ 12,2	+ 2134
0,001 %	+ 14,9	+ 4122

Источник: [12].

В аналитике главное – это понять, что есть причина, а что следствие, и докопаться до глубинных причин. В ином случае вы будете лечить не болезнь, а симптомы. Бедность и является одной из глубинных причин, имеющих множество проявлений. Например, написаны горы работ по поводу межрегиональной дифференциации уровней и условий жизни в нашей стране, потрачены триллионы рублей на выравнивание бюджетной обеспеченности и ускорение экономического роста в отстающих регионах. Но главными бенефициарами этих расходов стало не население и его беднейшие группы, а корпорации-подрядчики и органы власти. Необходимо

понять, что снижение дифференциации доходов населения автоматически выравнивает и различия в дифференциации доходов субъектов Федерации, муниципальных образований и в конечном итоге доходов и экономической активности в региональном разрезе.

Как решается проблема бедности

В мире накоплен значительный опыт борьбы с бедностью и хорошо изучена эффективность разных программ как в краткосрочном, так и в долгосрочном аспектах. Среди таких мер наиболее популярны прогрессивное налогообложение, установление минимальной заработной платы, помощь семьям с детьми, адресная социальная поддержка, в частности продовольственные талоны, ограничение «импорта» бедности. Обсуждается целесообразность введения безусловного дохода вместо многочисленных программ. Главное, что ограничивает указанные меры, это дополнительная нагрузка на бюджет, что означает увеличение налоговой нагрузки и, как следствие, повышает риски бегства капиталов и уклонения от уплаты налогов. Кроме того, есть опасность роста иждивенческих настроений у значительной части общества. Гораздо более эффективными способами борьбы с бедностью являются, как было отмечено выше, снижение инфляции и ускорение экономического роста. Правительство и Банк России провозглашают целью борьбу с инфляцией, но успехи здесь невелики, поскольку нынешняя инфляция носит не столько монетарный, сколько фискальный характер и объясняется не столько ростом доходов и кредитной экспансией, сколько ростом налогов и тарифов. Более того, так называемое оздоровление банковской системы, выразившееся в отзыве лицензий у множества мелких и средних банков, привело к сжатию денежной массы в меньшей степени, нежели проведение политики высоких реальных процентных ставок.

Другим действенным способом борьбы с бедностью является ускорение экономического роста. Опыт сначала Японии, потом Гонконга, Тайваня, Южной Кореи и, наконец, Китая показывает, что быстрый долговременный экономический рост может способствовать росту дифференциации доходов, но одновременно приводит к значительному снижению бедности даже при минимальных социальных программах. К сожалению, последние решения Правительства России способствуют росту инфляции и явно тормозят экономический рост.

На федеральном уровне государство может принимать меры поддержки, исходя из формальных критериев по социально-учетным характеристикам, таким как пол, возраст, место жительства, легальные доходы и т. п. Кроме того, администрирование этих расходов требует дополнительных затрат. Более эффективна передача социальных полномочий

на муниципальный уровень, поощрение волонтерства и благотворительности.

Особое опасение в нашей стране вызывает формирование «встроенных механизмов» роста дифференциации доходов, усугубляющих проблемы бедности. В качестве примера сошлемся на всё большее увлечение централизованными гигантскими структурами. Эти многоуровневые иерархические системы подавляют конкуренцию и не прозрачны с точки зрения распределения доходов. Другой пример – установление уровня зарплат определенным категориям бюджетников по отношению к средней по региону. Очевидно, что это решение привело к росту межрегиональной дифференциации по доходам и к «оптимизации» бюджетной сети, что дорого обошлось региональным и местным бюджетам и породило множество уловок для формального исполнения нормативов, определяемых федеральным центром, в частности, зафиксированных в майских указах 2012 г. В том же направлении действовало систематическое повышение заработной платы и иных выплат чиновникам высшего и среднего уровня, мотивами которого были отнюдь не повышение эффективности работы или сравнение с уровнем доходов в стране, а какие-то иные соображения.

Г. Мюрдаль о причинах бедности народов

Свою знаменитую книгу «Азиатская драма» [5] Гуннар Мюрдаль посвятил исследованию социально-экономической ситуации в странах Южной Азии после обретения ими независимости. Прежде всего он пытался показать неадекватность экономического анализа в рамках неоклассической парадигмы применительно к этим странам, поскольку рыночный анализ слабо развитой экономики, не имеющей институтов развитого общества, бессмыслен и бесполезен. По его мнению, после ухода колонизаторов произошла реставрация доколониальных порядков и адекватных им институтов. Вместо модернизации произошла архаизация.

Он писал, что всё в бедных странах имеет двойное дно. Аграрная реформа, призванная внести новые отношения и ускорить развитие земледелия, на деле оборачивается реконструкцией доколониальных кастовых институтов. Независимые государства отличались глубоким разрывом между лозунгами и реальностью. Словесный радикализм прикрывал консервативную политику, коррупция разъедала неимоверно разросшийся государственный аппарат, а необходимые меры выхолащивались и лишались прогрессивного содержания.

От сохранения статус-кво проигрывало большинство. Однако именно большинство в силу своего культурного уровня с наибольшей готовностью воспринимало законодательные мероприятия в их традиционном, а не либеральном прочтении. Высшие же группы, заинтересованные в под-

держании системы, оценивали происходящее именно в либеральном толковании, что не мешало им использовать традиционность в своих интересах. Модернизация планировалась с упором не на институциональные преобразования, а на индустриализацию и внедрение новых технологий. Одновременно наблюдалась двойственность планирования как лозунга и как повседневной бюрократической процедуры, что делало его идеальным механизмом гармонизации традиционной социальной стратификации, коррупции чиновников и мелочной административной регламентации производства.

Сосредоточение материальных и финансовых ресурсов на сооружении ограниченного числа крупных объектов позволяет государству отчитываться о результатах своей работы, оставляя нетронутой социально-экономическую структуру страны. Выход из положения Г. Мюрдаль видел в росте и распространении образования и повышении уровня жизни населения этих стран, что, по его мнению, неизбежно должно было привести к росту спроса на модернизацию институтов.

Россия – бедная страна

По данным отечественной и международной статистики, Россия является страной со средним уровнем развития. Экономика страны существенно зависит от добычи и экспорта сырья и продукции первого передела и, следовательно, от конъюнктуры мировых рынков, но подобных стран в мире много. Если анализировать отечественную экономическую литературу, публицистику и особенно правительственные документы, то придешь к выводу, что Россия очень богатая страна, поскольку располагает запасами природных ресурсов, высокообразованным населением и огромной территорией. Но из приведенного выше анализа следует, что Россия достаточно бедная страна. Не бывает богатых стран с высокой долей бедного населения. При таких низких уровнях медиального и модального доходов, при том что доля среднего класса и семей, живущих в достатке, едва достигает 20 % населения страны, этот вывод оказывается бесспорным. Причины этого положения были рассмотрены выше.

Но есть еще и оценка тенденций и ожидания динамики благосостояния. К сожалению, ситуация с доходами населения последние пять лет развивалась неблагоприятно. Если в течение кризиса 2008–2009 гг. практически не наблюдалось общего падения реальных доходов населения, то за период нынешней стагнации они сократились на 11 %. Более того, даже в 1990-е гг. не наблюдалось столь длительного периода падения реальных доходов населения, хотя глубина падения была больше.

Накопленная инфляция за пять последних лет составила не менее 33 %, а реальные ставки по кредитам растут. Опросы фиксируют нарас-

тание пессимистических настроений в отношении доходов и зарплаты. По мнению большинства респондентов, их доходы будут падать, надежды на рост доходов минимальны, а реальная наблюдаемая инфляция составляет 10...12 %, при том что официальные данные фиксируют рост цен лишь на 4...5 % [11]. Ожидания являются важным фактором, формирующим наше поведение и, как было неоднократно показано, работающим механизмом самореализации прогнозов. Именно поэтому российские чиновники полны оптимизма в отношении перспектив развития страны, регионов и городов и роста материального положения россиян. Для подтверждения поступательного развития страны и внушения оптимизма населению используются методические новации (которые правильнее назвать ухищрениями), но этому уже мало кто верит.

Руководство страны признало, что бедность является проблемой для России. В майском указе Президента 2018 г. национальной целью № 4 названо сокращение уровня бедности в два раза. Правда, среди национальных проектов нет ни одного, непосредственно направленного на повышение уровня жизни наименее успешной части населения и преобразование ее среды обитания. Некоторые из проектов в области демографии, образования, здравоохранения или поддержки малого бизнеса имеют определенное отношение к снижению уровня бедности, но часто лишь косвенное.

Стратегия развития Российской Федерации на ближайшие годы предполагает концентрацию ресурсов на некоторых прорывных направлениях, которая будет осуществляться путем мобилизации ресурсов в бюджетной системе и крупных корпорациях в рамках государственно-частного партнерства. В качестве основного инструмента модернизации экономики выбраны национальные проекты, на которые, по некоторым данным, предполагается потратить в предстоящие годы 25,7 трлн руб., что превышает четверть годового ВВП страны.

Мобилизация ресурсов уже привела к росту налогов и сборов, повышению реальных кредитных ставок, форсированному наращиванию резервного фонда и общему замедлению экономического роста. Заметим, что руководство Китая, также столкнувшееся с замедлением роста экономики, предприняло меры по снижению налогов и процентных ставок; при этом обе страны не склонны к институциональным преобразованиям. Будущее покажет, чей подход к модернизации экономики и повышению уровня жизни населения окажется более адекватным. Опыт выполнения предыдущих майских указов показывает, что выполнены они будут, но снизится ли фактический уровень бедности в нашей стране – неизвестно.

Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты [Электронный ресурс]. – М.: АСТ, 2016. – 693 с. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=266765&rp=1> (дата обращения: 20.08.2019).
2. *Гришина Е.Е.* Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. – 2018. – № 3. – С. 7–26.
3. *Кузнецова П.* Недоходная бедность пожилых // ЭКО. – 2018. – № 3. – С. 27–43.
4. *Кордонский С.Г., Моляренко О.А.* Умом Россию не понять // ЭКО. – 2018. – № 1. – С. 5–22.
5. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы третьего мира. – М.: Прогресс, 1972. – 768 с.
6. *Новожилов В.В.* Пределы инфляции [Электронный ресурс]. – URL: <http://victor.sokirko.com/ecomomy/Zes3/1.1.htm> (дата обращения: 20.08.2019).
7. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке [Электронный ресурс]. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=273479&rp=1> (дата обращения: 20.08.2019).
8. Прожиточный минимум в Новосибирской области в 2019 году [Электронный ресурс] // Прожиточный минимум. – URL: <http://potrebkor.ru/minimum-novosibirskaja.html> (дата обращения: 20.08.2019).
9. Прожиточный минимум во всех областях, республиках и краях России на март 2019 года [Электронный ресурс] // Прожиточный минимум. – URL: <https://prozhitochnyj-minimum.ru> (дата обращения: 20.08.2019).
10. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
11. *Соловьева О.* Каждому десятому жителю РФ не хватает средств на еду [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2019. – 12 марта. – URL: http://www.ng.ru/economics/2019-03-12/4_7528_poverty.html (дата обращения: 20.08.2019).
12. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 [Electronic resource]. – Cambridge, MA, 2017. – (NBER Working Paper 23712 / National Bureau of Economic Research). – URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>. (accessed: 20.08.2019).

Статья поступила в редакцию 04.04.2019.

Статья прошла рецензирование 11.05.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280

POVERTY IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Klistorin Vladimir,*Dr. of Sc. (Economics), Leading Researcher,**Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS,**17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation**Professor, Department of Economic Theory,**Novosibirsk State University,**1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID 0000-0002-4011-5932

klistorin@ieie.nsc.ru

Abstract

The paper considers a concept of poverty in socio-economic, historical and institutional aspects, individual and social causes of poverty, and key factors determining the level of poverty. The author shows that poverty is a social problem, and its level is an indicator of the quality of institutions and government policy. Poverty assessment is not only an economic and statistical problem, but also a political one. Specifically, the methodology for determining the poverty level based on the assessment of the minimum subsistence level has considerable potential for manipulation. Based on the research of a few authors, it is shown that the most important factor of property stratification is inflation, and the hypothesis that the current income differentiation observed in Russia is largely due to inflation and extremely low rates of economic growth in the post-Soviet period. The author discusses the specifics of poverty in Russia and concludes that it is poorly dependent on the level of education and skills of workers and – to a greater extent than in other countries - on their place of work, economic sector, region, size of settlements, etc. It is shown that the government policy on incomes of certain categories of the population could result in an increase in inequality both regionally and between different social groups. The methods and tools of the government policy for overcoming poverty briefly considered in the paper are limited, on the one hand, and, on the other hand, they could have possible negative consequences of income equalization policy. At the same time, the author agrees with the opinion that more equal distribution of income makes society not only fairer, but also more efficient due to higher regional, social and professional mobility and greater efficiency of market institutions. In conclusion, the author discusses the strategy how to modernize the Russian economy and achieve the national goal on reducing poverty by half.

Keywords: poverty, minimum subsistence level, income policy, economic growth, inflation, subjective perception, expectations, government policy, national projects.

Bibliographic description for citation:

Klistorin V. Poverty in Russia and in the world. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 2, pp. 264–280. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280.

References

1. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity and poverty*. New York, Crown Publishers, 2012 (Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ., 2016. 693 p.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=266765&p=1> (accessed 20.08.2019).
2. Grishina E.E. Razlichnye aspekty bednosti semei s det'mi [Different aspects of poverty among families with children]. *EKO – ECO*, 2018, vol. 3, pp. 7–26.
3. Kuznetsova P. Nedokhodnaya bednost' pozhilykh [Non-monetary poverty of the elderly]. *EKO – ECO Journal*, 2018, vol. 3, pp. 27–43.
4. Kordonskii S.G., Molyarenko O.A. Umom Rossiyu ne ponyat' [You will not grasp her with your mind]. *EKO – ECO*, 2018, vol. 1, pp. 5–22.
5. Myrdal G. *Sovremennye problemy tret'ego mira* [Asian drama: an inquiry into the poverty of nations]. Moscow, Progress Publ., 1972. 768 p. (In Russian).
6. Novozhilov V.V. *Preделы инфляции* [Limits of inflation]. Available at: <http://victor.sokirko.com/ecomomy/Zes3/1.1.htm> (accessed 20.08.2019).
7. Piketty T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the twenty-first century]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2015. 592 p. (In Russian). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=273479&p=1> (accessed 20.08.2019).
8. *Prozhitochnyi minimum v Novosibirskoi oblasti v 2019 godu* [Cost of living in the Novosibirsk region in 2019]. (In Russian). Available at: <http://potrebkor.ru/minimum-novosibirskaia.html> (accessed 20.08.2019).
9. *Prozhitochnyi minimum vo vsekh oblastyakh, respublikakh i krayakh Rossii na mart 2019 goda* [Cost of living in all regions, republics and territories of Russia as of March 2019]. (In Russian). Available at: <https://prozhitochnyj-minimum.ru> (accessed 20.08.2019).
10. Seligman B. *Main currents in modern economics*. New York, Free Press of Glencoe, 1963 (Russ. ed.: Seligmen B. *Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli*. Moscow, Progress Publ., 1968. 600 p.).
11. Solov'eva O. Kazhdomu desyatomu zhitelyu RF ne khvataet sredstv na edu [Every tenth resident of the Russian Federation does not have enough money for food]. *Nezavisimaya gazeta – Independent Newspaper*, 2019, 12 March. (In Russian). Available at: http://www.ng.ru/economics/2019-03-12/4_7528_poverty.html (accessed 20.08.2019).
12. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016*. NBER Working Paper 23712. Cambridge, MA, 2017. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23712> (accessed 20.08.2019).

The article was received on 04.04.2019.

The article was reviewed on 11.05.2019.